

Мирхаев Рифат **Фирдинатович**

**Огузско-турецкие элементы в татарском литературном
языке конца XIX - начала XX веков**

10.02.02. Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре методики преподавания татарского языка и литературы
Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Юсупов Ф.Ю.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Баширова И.Б.

кандидат филологических наук,
доцент **Закиров Р.А.**

Ведущая организация:

Елабужский государственный
педагогический институт

Защита диссертации состоится 26 июня 2003 года в 14.00. на заседании диссертационного совета Д 212.081.12. в Казанском государственном университете по адресу: 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан **23** мая 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Загидуллина Д.Ф.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В истории развития письменных литературных языков разных народов имеются такие периоды, в которых наблюдается активное, а порой и чрезмерное употребление элементов других языков, в том числе и родственных. В истории развития татарского литературного языка таким периодом можно назвать конец XIX - начало XX веков, что подтверждается наличием многочисленных письменных **источников**, характеризующихся в языковом плане насыщенным употреблением **огузских элементов**, большая часть которых считаются **общетюркско-традиционными**. Как **известно**, **огузские** элементы имели место во всех стадиях развития старотатарского литературного языка. Однако в разные периоды данные элементы имели разную степень проявления и в старотатарский **литературный** язык они проникали через различные каналы. С XVII-XVIII вв. начинается **интенсивное** проникновение **огузского** компонента в результате османского **влияния**¹. В XIX веке, особенно во второй его половине, данное влияние на старотатарский литературный язык усиливается.

Актуальность темы. Конец XIX - начало XX веков является сложным и в то же время интереснейшим этапом в истории развития татарского литературного языка. В **этот** период татарский литературный язык развивался в различных направлениях, **т**е **он действо**-вал в нескольких вариантах. Изучение отдельно взятого **периода** истории **литературного** языка в различных аспектах, в частности, в непосредственной связи с языковой ситуацией, существовавшей в тот период, является одним из главных направлений в современном татарском языкознании. В этой области было написано множество научных трудов, посвященные различным этапам развития татарского литературного **языка**².

---

¹ Негматуллин М. М. Роль и место **огузских** элементов в истории развития татарского языка. Дисс. **канд** филол. наук - Казань, 1983 - С. 156.

² Наджиб Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. Ч. 1 - Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1975 - 210 с. Хаков В. Х. Татар әдәби теле тарихы - Казан: КДУ нәшр., 1993 - 323 б. Тенишев Э. Р. О языке поэмы «Кысса и Йусуф» Куя Гали // Поэт-гуманист Куя Гали - Казань, 1987 - С. 133-137. Закиев М. З. Введение. Койне, традиционные нормы, старотатарский и современный татарский литературные языки // Истоки татарского литературного языка - Казань, 1988 - С. 3-10. Ахметгалиева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы» - М.: Наука, 1979 - 191 с. Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии (XVI - нач. XIX вв.) - Казань: Мастер Лайн, 1990 - 408 с. Галляудинов И. Г. «Тарих намай булгар» Таджетдина Ялыгулова - Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990 - 238 с. Нуриева Ф. Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. - Казань: Фэн, 1999 - 189 с. Губайдуллина Г. Ф. Языковые и стилистические особенности ранней художественной прозы Гаяза Исхаки. Автореф. дисс. канд. филол. наук - Казань, 2001 - 21 с. Губайдуллина А. Р. Исследование языка «Сыятнаме» и эпистолярно-публицистических произведений Фатиха Карими (конец XIX - начало XX веков). Автореферат дисс. канд. филол. наук - Казань, 2002 - 22 с.

Как показывает **история**, отличительной чертой старотатарского литературного языка является наличие нескольких **письменных** вариантов. В этом **плане** татарский литературный язык конца XIX - начала XX веков также характеризуется своей **многовариативностью**. К настоящему времени сохранилось значительное количество старотатарских письменных памятников, языковые особенности которых изучены ещё в недостаточной степени. К числу таких относятся произведения М. **Аксыгета**, З. **Бигиева**, Р. **Фахрутдина** и др., которые в языковом плане **характеризуются** насыщенным употреблением огузско-турецких элементов. В связи с этим актуальность избранной темы и её исследование определяется необходимостью разработки письменного состояния татарского литературного языка данного периода, а также необходимостью учёта и изучения его **различных** вариантов, в частности источников **огузирования** варианта, в котором преобладают **огузско-турецкие** языковые черты.

История изучения проблемы. Как известно, **огузские** элементы встречаются во всех этапах развития татарского литературного языка. Поэтому они в той или иной мере рассматриваются в научных трудах многих учёных занимавшихся историей татарского литературного языка.

Кроме них имеются также и специальные труды. Одна из таких работ - диссертация Ю.Л. **Валитовой** «Иноязычные элементы в поэтических произведениях Г. Тукая (**турецко-огузские** элементы и арабские **масдафы**)» (1966), первая глава которой посвящена изучению огузско-турецких языковых элементов в стихотворениях Г. Тукая.

В диссертации ММ. **Негматуллова** «Роль и место **огузских** элементов в истории развития татарского языка» (1983) дается научно-критический анализ **имеющейся** литературе по изучению огузских **элементов** в тюркологии и приводятся сведения из истории **огузов**, а также раскрывается языковое содержание понятия «**огузский**». Далее определяется место **огузского** компонента в среднем и **мишарском** диалектах татарского языка. Кроме **этого**, определённое место отводится изучению огузских элементов и их соотношения с традиционными и собственно татарскими языковыми явлениями в татарском литературном языке **XVI -- XX веков**.

Цель и основные задачи исследования. Целью данного исследования является изучение роли и места **огузско-турецких** элементов в истории развития татарского литературного **языка**, а именно в его отдельно взятом периоде. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) прослеживание по историческим и филологическим трудам культурно-исторической и языковой ситуации, которая сложилась в конце XIX - начале XX веков на территории Среднего Поволжья;

2) выявление **огузско-турецких** элементов, определение степени их употребительности и специфики функционирования;

3) определение объёма семантического содержания данных **элементов**;

4) изучение соотношения огузско-турецких элементов с кипчакскими формами.

Научная новизна. Диссертация является первым шагом в изучении одного из вариантов **старотатарского** литературного языка, функционировавшего на рубеже XIX и XX веков, в частности его **огузизованного варианта**, испытавшего сильное влияние **османотурецкого** языка. В диссертации в системном плане исследуется один из его основных компонентов, а именно **огузско-турецкие** языковые элементы (именные части речи, **личные** и **неличные** формы глагола).

Практическая **ценность** работы заключается в том, что положения и выводы диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке письменного состояния татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков и его различных вариантов. Конкретный языковой материал может быть использован в лекционных и семинарских занятиях по исторической грамматике и истории татарского литературного языка.

Основными источниками исследования были взяты следующие произведения:

1) повесть «**Хисаметдин менла**» (1886) М. Акъегета;

2) романы «**Олюф, или красавица Хадича**» (1887), «Смертные грехи» (1890) и путевая заметка «Путешествие в Транс-Океанию» (1908) З. Бигиева;

Кроме этих **произведений**, в качестве источников были использованы также романы «Салима и невинность» (1899) и «**Асма, или преступление и наказание**» (1902) Р. **Фахрутдина**, а также путевые заметки «Путешествие в Европу» (1902) и «Путешествие в Крым» (1908) **Ф. Карими**.

В качестве **теоретических и методологических основ исследования** были взяты разработки таких отечественных **тюркологов**, как Н.К. **Дмитриев**, А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, А.М. Щербак, Э.Р. Тенишев, С.Н. Иванов, Э.Н. **Наджип**, Д.М. **Насилов**, В.Г. **Гузов**, Г.Ф. **Благова**, Н.З. **Гаджиева**, Д.Г. Тумашева, М.З. Закиев, В.Х. Хаков, Ф.М. Хисамова, Ф.Ю. Юсупов и др.

Методы **научного исследования**. Характер данной работы требует комплексного применения следующих методов и приёмов исследования: **сравнительно-исторического**,

статистического, лингвистического описания и генетического отождествления фактов. Во время работы нами учитывался фактор социального характера языка, связь истории языка с **историей** его носителей, а также экстралингвистические факторы, оказывавшие влияние на его развитие.

Апробация работы. Основные положения диссертации освещены в выступлениях на IV научно-практической конференции молодых учёных и **специалистов** Республики Татарстан (Казань, 2001), на итоговых научных конференциях ЮГУ (2001, 2002 гг.) и изложены в пяти статьях. Диссертация обсуждена и **одобрена** на кафедре методики преподавания татарского языка и литературы Казанского государственного университета.

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы и **приложения**.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы и её актуальность, освещаются цель и задачи исследования, мотивируется избранный подход и методика **анализа**, приводятся **источники**, на которых базируется исследование, определяется научная новизна и практическая значимость работы, а также даётся краткая характеристика культурно-исторической и языковой ситуации в Поволжье в конце XIX - начале XX веков.

Культурно-историческая и языковая ситуация. Конец XIX - начало XX веков является бурным и насыщенным периодом в истории татарского народа. Начиная с середины XIX века в Поволжье начинается интенсивное развитие капиталистических отношений. Постепенно активизируется **национальная** жизнь, пробуждается национальное сознание татарского народа - начинается формирование татарской **нации**¹.

Данный период является сложным **этапом** и в истории развития татарского **литературного** языка. Его сложность заключается в том, что литературный язык того времени действовал в различных вариантах, т. е. он был многовариативным. Так, исходя из языковых споров, которые велись в то время на страницах газет и журналов, можно **выделить** следующие варианты татарского литературного языка **конца** XIX - начала XX веков:

1) вариант, который назывался литературным языком (**әдәби тел**), и который по сути являлся продолжением **классического** старотатарского литературного языка;

---

¹ Татар **әдәбияты тарихы**. Т. 2. XIX йөз татар **әдәбияты**. – Казан: Тат. шт. нәшр., 1985. – Б. 212.

2) вариант, близкий к языку газеты «Тарджиман» (**жеди**ди госманлы);

3) вариант, насыщенный словами и формами, характерными для разговорной речи татарского народа (**гамәли-гавамлашкан**)¹.

В этот период среди татар формируется просветительское движение, виднейшими представителями которого явились Ш. **Марджани** (1818-1889), Х. **Файзханов** (1821-1866), К. **Насыри** (1825-1902). В произведениях этих мыслителей нашла свое отражение просветительская программа татарского народа. Если **первоначально** просветители ограничивались областью **философско-мировоззренческих** проблем и пропагандой научных идей, то впоследствии их деятельность переросла в широкое литературное движение, оставившее глубокий след в жизни татарского народа, в частности в развитии его общественной мысли. Пробуждение национального самосознания татарского народа, воспитание в нём чувств гражданского долга и гуманизма, пропаганда идей прогресса и свободы – вот чем были пропитаны произведения татарских **писателей-просветителей**². При этом следует заметить, что в языковом плане их произведения не одинаковы – они относятся к различным **вариантам** татарского литературного языка конца XIX – начала XX веков. Так, например, произведения М. **Акъегета** и З. Бигиева написаны на **варианте**, близком к новоосманскому языку. Р. **Фахрутдин** и Ф. Карими часть своих произведений **сочинили** на варианте, близком к общенародно-разговорной речи, а часть на варианте, близком к новоосманскому **языку**. Г. **Ильяс**и, Ф. **Халиди** и Г. Исхаки в основном писали только на варианте, близком к общенародно-разговорной речи.

Как **известно**, старотатарский литературный язык непосредственно восходит к литературному языку **кипчакско-огузского** типа эпохи Золотой Орды и **Мамлюкского** Египта. Традиционная часть данного языка была унаследованной, и она представлена преимущественно **уйгуро-караханидской** и в меньшей степени **огузской** традицией. С XVII-XVIII веков, в результате **османо-турецкого** влияния, в старотатарский литературный язык начинается интенсивное проникновение **огузского** компонента. Кроме этого, со второй половины XVIII века старотатарский литературный язык начинает испытывать заметное влияние чагатайской литературной традиции. Данный период развития литературного языка **характеризуется** также увеличением удельного веса арабских и персидских заимствований. Таким

¹ Боширова И.Б. XIX **гасыр ахыры** – XX **йез башы** татар **әдәби** теле: исем **категорияләре һәм фигуралары** **наклонениеләре** **әдәби** норма, норма **вариантлыгы** **һәм функциональ-стилистик вариантлыгы**. – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – Б. 12.

² Татар **әдәбияты** тарихы. Т. 2. XIX **йез ахыры** татар **әдәбияты**. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – Б. 221.

образом, к середине XIX века классический старотатарский литературный язык представлял собой смешанный язык, вобравший в себя элементы арабского, персидского, чагатайского и **османо-турецкого** языков. Но, несмотря на разносторонние влияния со стороны, татарский литературный язык этого периода все же сохранил свои основные **региональные черты**¹. Во второй половине XIX века социально-экономические изменения поставили перед татарами задачу реформы и научной разработки татарского литературного языка. Эта деятельность начинается еще в конце XVIII века. С **Хальфином** В. в дальнейшем свой вклад в это дело внесли И **Хальфин**, С **Кукляшев** и Х **Файзханов**. Но самое существенное значение в научной разработке татарского языка имела деятельность К **Насыри**. На протяжении своей полувековой научной и литературной деятельности, он много сил и энергии отдает его научной разработке и приближению к разговорной речи татарского **народа**². Деятельность просветителей по научной разработке татарского литературного языка, в его приближении к разговорной речи народа имела огромное социальное и культурное значение. Реализация выдвинутых ими **предложений** открыла возможность распространения научной и художественной литературы на языке, понятном для простого народа. Наряду с этим, в последней четверти XIX и в начале XX веков в произведениях ряда писателей, таких как З **Бигиев**, М **Акьегет**, Р **Фахрутдин**, Ф **Карими** и др., наблюдается активное употребление **огузских**, в частности **османо-турецких** языковых элементов. Данное явление объясняется, в первую очередь, продолжением влияния **древнетюркских** и старотатарских письменных традиций. Во-вторых, в этот период османская литература все более совершенствовалась, в то время как чагатайская в Средней Азии постепенно затухала. И татарские писатели, сами того не замечая, **османизировались**. Кроме этого, многие татарские **шакирды** учились в гимназиях и учительских семинариях Турции, так как не имели доступа в русские учебные заведения. Среди них были и писатели-просветители (например, М **Акьегет**, Ф **Карими** и др.). Вот что писал об этом в свое время **Дж Валиди**: «Татарские шакирды, очень быстро усваивали близкий к татарскому турецкий язык, и когда они, после 4-5 летнего пребывания там, возвращались на родину, то были настоящими турками. Они назначались преподавателями в **новометодные** медресе, где преподавание велось по турецким учебникам. Некоторые из них сами составляли учебники, язык которых был если не чисто **турецким**, то турецко-татарским, а терминология непременно **турецкой**»³. В-третьих, в активизации **огузского** компонента в

¹ **Хисамова** Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии (XVI - нач. XIX вв.) - Казань: Мастер Лайн, 1990 - С. 35-37.

² **Хаков** В. Х. Татар милли әдәби телендә барлыкка килүс һәм үсеше - Казан: Татар кит. нәшр., 1972 - Б. 54-59.

³ **Фатих Карими**. Фәнни-биографик җыентык - Казан: Рухият, 2000 - Б. 188.

татарском литературном языке конца XIX - начала XX веков некоторую роль сыграло также распространение среди татар идей тюркизма - общественно-политического и культурного движения, в основе которого лежит концепция просветителя и реформатора И. Гаспринского (1851-1914) об общетюркском литературном языке. Будучи широко эрудированным человеком, И. Гаспринский работал на весь тюркский мир, который он хотел объединить общим тюркским литературным языком. На страницах издаваемой им газеты «Тарджиман» вырабатывается особый универсальный язык (уртак лисан). И Гаспринский хотел, чтобы этот язык был доступен для всех тюркских народов. По его убеждению, это помогло бы их усилению и более тесному сближению на пути прогресса и развития¹. На рубеже XIX - XX веков проблема общетюркского языка была актуальной для многих тюркских народов. Поэтому идеи И. Гаспринского находят сильный резонанс в среде мусульманской интеллигенции России. Они оставляют свой отпечаток и в старотатарском литературном языке. Татарские писатели, которые хотели, чтобы их произведения читали во всем тюркском мире, писали на языке, близком к языку газеты «Тарджиман», который основывался на новоосманском языке. Поэтому в старотатарском литературном языке в конце XIX века активизируются некоторые **огузские** элементы, ранее появлявшиеся эпизодически, а также утверждаются новые - **османо-турецкие**. Их можно встретить в фонетике, лексике, грамматике и синтаксисе. Вследствие этого на рубеже двух веков формируется новый вариант старотатарского литературного языка, на этот раз с сильным преобладанием **огузского** компонента. В то время его называли **по-разному: турецко-османский** язык, татарско-турецкий язык, язык «Тарджимана» и т. д. После революции 1905-1907 гг. **османо-турецкое** влияние на старотатарский язык несколько ослабевает. Это объясняется тем, что в 1905 году начинают издаваться десятки печатных изданий на разговорно-татарском языке. На страницах данных изданий начинаются языковые споры (тел бвхесе), суть которых сводится к одному вопросу, что взять в основу татарского литературного языка для его **дальнейшего** развития: старотатарский литературный язык, язык газеты «Тарджиман», или же местный (казанский) говор татарского **языка**². Так как многие представители татарской интеллигенции были против языка газеты «Тарджиман», этот вопрос решается в пользу последнего. Но, несмотря на это, **огузированный** вариант татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков сыграл важную роль в истории татарского народа. В период перехода от

¹ Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Эхо веков. - 1997 - № 3-4. - С. 210.

² Башпирова И Б XIX гасыр ахыры - XX йөз башы татар әдәби теле: исем категорияләре бвм фитыл, наклонениеләре, вдбн норма, норма вариантлыгы һәм функциональ-стилистик вариантлыгы - Казан: КДТУ нәшр., 1999 - Б 11-19.

средневековья к новому **времени**, произведения, написанные на этом варианте, помогали **распространению** просветительских идей, тем самым он служил обогащению духовной и культурной жизни татарского **народа**, а также его консолидации с другими тюркскими народами.

В **первой** главе «Именные части речи» исследуются формы грамматических категорий именных частей речи **огузско-турецкого** происхождения.

Имя существительное. Огузско-турецкое влияние наблюдается при оформлении всех грамматических категорий данной части речи.

Категория числа. В изученных нами источниках употребляется **двухвариантный** аффикс множественного числа **-лар/-ләр**, т. е. здесь имена существительные, оканчивающиеся на носовые согласные, во множественном числе принимают также аффиксы **-лар/-ләр**, а не **-нар/-нәр**, как это характерно для современного татарского литературного языка. Данное явление сближает **огузизированный** вариант татарского литературного языка **конца** XIX – начала XX веков с **османо-турецким** литературным языком. Оно объясняется прежде всего сохранением и продолжением орфографических традиций: **адәмләр** «люди», **мөселманлар** «мусульмане», **фәнләр** «науки», **галымләр** «ученые», **лисанлар** «языки», **дегермәнләр** «мельницы», **ханлар** «ханы», **арысланлар** «львы» и т. д. Здесь **османо-турецкое** влияние наблюдается прежде всего при выражении идеи числа аналитическим способом. Так, например, для выражения множественности используются некоторые местоимения и частицы огузско-турецкого происхождения: **Чукхалык карт менланың сүзенең (...)** **инаныр** иде. «Большинство людей верили **словам** старого **менлы**» (МА 1886, 3). **Бер кач гасыр мөрүре соңында Чимкенд нам касабайа бәдәл Бохара шәһәре бина улымыш.** «Через несколько веков, на месте города Чимкенд, был построен город Бухара» (ЗБ 1908, 3).

Категория принадлежности. При формировании категории принадлежности употребляются следующие **огузско-турецкие** элементы:

1) аффикс первого лица множественного числа **-(ы)мыз/-(е)мез**: **ивемез** «наш дом», **мәнзилемез** «наш пристань», **чанталарымыз** «наши сумки», **лисанымыз** «наш язык»;

2) аффикс второго лица множественного числа **-(ы)ңыз/-(е)ңез**: **балаларыңыз** «ваши дети», **кызыңыз** «ваша дочь», **кумереңез** «ваш номер», **тәфтишеңез** «ваше следствие», **зәүжеңез** «ваш муж» и т. д.

Кроме этого, значение принадлежности может выражаться также сочетанием притяжательных местоимений огузско-турецкого происхождения с именами существительными без аффиксов **принадлежности**: **Арупадан башка госманлылар вә мисырлылар, вә һиндлеләр**

безем надалык во гафлэтдэн көлөлөр. «Кроме Европы над нашей тупостью и необразованностью смеются османы и египтяне, а также индийцы» (МА 1886, 7). Притяжательные местоимения **огузско-турецкого** происхождения сочетаются также и с существительными имеющими аффиксы принадлежности: **Бәнем үз атым көтөдөр.** «Меня ждёт моя собственная карета» (ЗБ 1887, 13).

Категория падежа. В **огузизованном** варианте татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков система падежей носит смешанный характер. Здесь переплетены два типа падежного склонения: кипчакский и **огузский**. Особенности характерные для **огузских** языков наблюдаются прежде всего при морфологическом оформлении притяжательного, направительного и винительного падежей. Их можно увидеть как при склонении имён существительных без аффиксов принадлежности, так и при склонении имён существительных с аффиксами принадлежности.

Склонение имён **существительных** без аффиксов принадлежности. В изученных нами источниках притяжательный падеж представлен аффиксом **-ның/-нең** (*хатуның яше* «возраст женщины», *дуслыкның сәбәбе* «причина дружбы»), который характерен для кипчакского типа падежного склонения и аффиксом **-ның/-ең** (*падишаһның милләтпөворяеге* «национальное самосознание царя», *Тимучиның куәте* «могущество Тимучина», *Әфлатуның, Сократың, Демокритың хикмәтләре* «мудрости Аристотеля, Сократа, Демокрита», *Кырымың җһалисе* «население Крыма», *болгарларың дәүләтләре* «государство болгар» *имамың гаиләсе* «семья имама»), который характерен для **огузского** типа падежного склонения. Кипчакский и огузские варианты аффикса притяжательного падежа в источниках употребляются по-разному. Направительный падеж в изученных нами источниках оформляется также двумя вариантами аффиксов: кипчакскими **-га/-га/-ка/-кә** (*нумерлөргә* «в номера», *йәмшиккә* «ямщику», *Уфага* «в Уфу») и **огузскими** **-(й)а/-(й)ә** (*хәбешханйә* «в тюрьму», *жәмилиәйә* «красавице», *асылташlara* «драгоценным камням», *Урта Асияйа* «в Среднюю Азию», *Парижа* «в Париж», *Төркияйә* «в Турцию»), которые также употребляются по-разному. В винительном падеже имена существительные без показателей принадлежности принимают аффиксы **-ны/-не** (*мәктүпне* «письмо», *хадимәне* «служанку», *Казанны* «Казань» *лisanларны* «языки») и **-(й)ы/-(й)е** (*жәридәйе* «журнал», *догалары* «молитвы», *Мавэрәэннәпре* «Трансоксанию», *Аурупаы* «Европу», *Кырымы* «Крым»), первый из которых характерен для кипчакского типа падежного склонения, а второй для огузского типа.

Склонение имён **существительных** с аффиксами принадлежности. Существительные, оформленные показателями принадлежности первого лица, в притяжательном падеже при-

нимают в основном **огузский** вариант аффикса данного падежа **-ың/-ең**, хотя в некоторых случаях может быть использован и кипчакский вариант **-ның/-нең**: *менламызың күзләре* «глаза нашего *менлы*», *хикаямезнең героинясе* «героиня нашего рассказа», *милләтемезең киредә калмасы* «отсталость нашей *нации*», *халкымызың юллары* «пути нашего народа», *шәкертләремезең бәхәс идешүләре* «споры наших *шакирдов*», *анамың рижасы* «просьба моей *матери*». Имена существительные, оформленные показателями принадлежности второго лица, в притяжательном падеже употребляются довольно редко, а случаев употребления существительных с показателями принадлежности третьего лица в данном падеже не было зафиксировано. Направительный падеж имён существительных, осложнённых показателями принадлежности первого, второго и третьего лица, оформляется аффиксом **-а/-ә**: *мәдрәсәмә* «в моё медресе», *углыма* «моему сыну», *мөсафирханәмезә* «в нашу гостиницу», *сүзләремә* «моим словам», *хикаямезә* «в наш рассказ»; *сөалегезә* «на ваш вопрос», *мәсҗедегезә* «в вашу мечеть»; *дошманың әленә* «в руки врага», *бүлмәнең идәнәнә* «на пол комнаты», *Печен базарына* «в Сенный базар», *мәмләкәтләрең харитасына* «на карту государства», *Әстерхан диңгезенә* «в Каспийское море». В винительном падеже имена существительные, осложнённые показателями принадлежности первого лица, принимают как кипчакский вариант (*гәзитәмезне* «нашу газету», *киемләремне* «мою одежду», *анамны* «мою мать», *сүземне* «моё слово»), так и огузский вариант (*хикаямезе* «наш рассказ», *эшеме* «мою работу» *сабыйлыгымы* «моё детство», *чантамызы* «нашу сумку», *юлымызы* «наш путь») аффикса данного падежа. Имена существительные с аффиксами принадлежности второго лица в винительном падеже употребляются довольно редко. При этом они принимают оба варианта (кипчакский и огузский) аффикса винительного падежа: *балаларыңызы* «ваших детей», *йөзеңә* «твоеё лицо», *делеңне* «твой язык», *номереңезне* «ваш номер». Винительный падеж существительных с показателями принадлежности третьего лица в изученных нами источниках оформляется только аффиксом **-ны/-не**: *кәндү милләтене* «свою нацию», номер *хадимене* «прислугу номера», *Берлиның харитасыны* «карту Берлина», *«Тәрҗеман» газетасыны* «газету *Тарджиман*», *кыңгыраудавышларыны* «звуки колокольчика», *сандугач сайрауларыны* «пение соловья», *курай давышларыны* «звуки курая».

Местоимение. В изученных нами источниках наряду с местоимениями, которые характерны для современного татарского литературного языка, активно употребляются и местоимения **огузско-турецкого** происхождения, которые делятся на следующие функционально-семантические разряды:

1. Личные местоимения: **бән** «я», **сән** «ты», **анлар** «они».

2. Притяжательные местоимения: *банем «мой», безем «наш»*.

3. Указательные местоимения: *шу «этот», у «тот», бурайа «сюда», шурайа «туда», орайа «туда», бурада «здесь, тут», орада «там», бойла, шойла, ойла «так», дигэр «другой, прочий, иной»*.

4. Вопросительные местоимения: *на «что», на кадар «сколько», кач «сколько», нэрэиэ «куда», нэрэдэ «где», нэрэдэн «откуда», нэрэли «откуда родом», һанки «который», насыл «как, каким образом, что за»*.

5. Неопределённое местоимение *бер кач «несколько»*.

6. Отрицательное местоимение *(нич)кемсэ «никто»*.

7. Возвратное местоимение *кәндү «сам, свой»*.

В настоящее время местоимения **огузско-турецкого** происхождения в татарском литературном языке не употребляются. В процессе развития литературного языка они были заменены местоимениями, характерными для разговорной речи татарского народа.

Имя **прилагательное**. Большинство имен прилагательных огузско-турецкого происхождения, изученных нами, по своей морфологической структуре являются простыми, т. е. коренными (*ийи «хороший», нис «грязный», тәмиз «чистый», инчэ «тонкий», уфак «мелкий», гениш «широкий» и т. д.*). Но среди них имеются и производные прилагательные: *зөваллы «бедный», чалышкан «трудолюбивый»*. Большинство из них являются качественными, которые в основном употребляются в положительной степени: *Бу илчэ били тамаша идәрәк, менламыз хәйрәтдә калды*. «Наблюдая за этой тонкой талией, менла забыл про всё на свете» (МА 1886, 9). *Бу кучүк бина Габбас аганың хаммамы иде*. «Это маленькое сооружение было баней старика Аббаса» (МА 1886, 39). Кроме положительной степени, данные прилагательные употребляются также и в превосходной степени, которая в образуется с помощью препозитивных частиц *иң «самый», бик «очень» и гаять «очень»*: *Бәхре Хәзвр йир йәзәндә иң буйүк бер кулдер*. «Хазарское море является самым большим озером на земле» (ЗБ 1809, 38). *Ләкин бу эш бик агыр хезмәтдер*. «Но это поручение было очень трудным» (ЗБ 1887, 20). *Сукаклары гаять гениш*. «Улицы очень широкие» (ФК 1902, 165). Особую форму интенсификации представляет полная редупликация прилагательных, т. е. их повторение. Она проявляется в двух формах:

1) повторение одной и той же основы: *һор тарафында кучүк-кучүк буфетлар ачмышлар*. «Повсюду открыли маленькие-прималенькие буфеты» (ФК 1902, 152).

2) повторение разных основ: *Икенче көн сәгать 9 иртә, уфак-күчүк атаулар арасындан кәчәб, Озын Атайә көлдек.* «На следующий день в девять утра, пройдя через мелкие острова, мы **приплыли** к Длинному Острову» (ЗБ 1908, 42).

Качественные прилагательные **огузско-турецкого** типа могут употребляться на пару со словами, не имеющими самостоятельного значения, но рифмующимися с ними. Данное сочетание является одной из **разновидностью** полной редупликации: *Утәдә көнжә нимсә кызлары - ачка чантасы, йөзек, көзге кеби уфак-тефәк шәйләр сатыйорлар.* «В комнате молодые немецкие девушки продают **мелкие** вещи, такие как бумажник, **кольцо**, зеркало» (ФК 1902, 80).

Здесь следует **заметить**, что употребление прилагательных огузско-турецкого происхождения в **сравнительной** степени нами не было зафиксировано.

Наречие. Употребляемые в изученных нами источниках наречия огузско-турецкого происхождения по своим **лексико-грамматическим** значениям делятся на два разряда: качественные и обстоятельственные.

Качественные (определятельные) наречия в свою очередь распадаются на две группы:

1. Наречия образа действия: **чабук** «быстро», **йаваш** «медленно», **йавашжә** «медленно», **йайан** «пешком», **гизлүжә** «тайно, скрытно», **бердән** «внезапно».

1. Наречия меры и степени: **чук** «очень, много», **анжак** «только», **дәһа** «ещё».

Обстоятельственные наречия можно разделить на две группы:

1. Наречия **времени**: **шимди** «теперь, сейчас», **шимдилек** «в данный момент, пока», **йәрен** «завтра», **акшам** «вечером», **чукдан** «давно».

2. Наречия места: **иләру** «вперёд, дальше», **узак** «далеко».

Вторая глава «Личные Формы глагола» посвящена изучению форм изъявительного, повелительного, желательного, **долженствовательного**, условного и сослагательного наклонений.

Формы **изъявительного** наклонения. В **огузизованном** варианте татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков изъявительное наклонение характеризуется многообразием временных форм. Здесь, наряду с формами на **-а(дыр)**, **-ган**, **-ган иое**, **-а торган иое**, параллельно употребляются также и показатели изъявительного наклонения, которые являются отличительной чертой **огузской** группы тюркских языков, в частности **османо-турецкого** языка, такие как формы настоящего времени на **-йор**, **-макда**,

-р; форма будущего времени на **-ачак** я формы прошедшего времени на **-мыш**, **-мыш иде**, **-йориде**, **-р иде**, **-макда иде**, **-ачак иде**.

Формы **настоящего** времени. План настоящего времени, наряду с формой на **-а(дыр)**, реализуется и **огузско-турецкими** формами на **-йор** и **-макда(дыр)**. Кроме них, значение настоящего **времени** выражает также форма настоящего-будущего времени на **-р**.

Форма на **-йор** образуется как от глаголов чисто турецкого происхождения (**булуйор** «находит», **бэклийор** «ждёт», **истийор** «хочет»), так и от глаголов чисто татарского происхождения (**эзлийор** «ищет», **туктыйор** «останавливается» **эшлийор** «работает»). Она встречается почти во всех изученных нами источниках, но **употребляется** только в **первом** и **третьем** лице, принимая при этом как **полные**, так и **усечённые** варианты аффиксов лица. Парадигматическим значением формы на **-йор** является выражение настоящего актуального (настоящего конкретного) времени, обозначающего действие, протекающего одновременно с моментом речи. При этом она соответствует форме настоящего времени на **-а** в **современном** татарском литературном языке: **Әфәндем, сезне бер адам күрергә истийор**. «Мой господин, вас хочет видеть один человек» (**ЗБ 1887, 10**). Кроме данного значения форма на **-йор** обозначает также продолжительные, обычные, постоянные и повторяющиеся действия. Также были зарегистрированы случаи употребления формы на **-йор** со вспомогательным глаголом **имеш** и аффиксами сказуемости прошедшего-субъективного времени **-мыш/-меш**. При этом форма на **-йор** выражает действие, происходящее в плоскости настоящего времени, но которого сам говорящий не видел, а узнал со слов других лиц: **Укыр-язархатун Бохарада һич булмышыйор** имеш. «Говорят, что в Бухаре нет ни одной женщины, которая умела бы читать и писать» (**ЗБ 1908, 71**).

Форма на **-макда** в основном встречается в произведениях **Р. Фахрутдина** и **Ф. Карими**. В большинстве случаев она употребляется в третьем лице и выражает длительное действие, происходящее в плоскости настоящего времени: **Әтрафдан, җәмагать бәгъзесе гарәбә шлә, бәгъзесе маши мэхкәмә янына киләб туктыйлар**. Бу тарика **җәмагать һаман зийәдәләнмәкдәдер**. «Отовсюду к зданию суда на каретах и пешком **тянулись** люди. Таким образом толпа всё увеличивалась» (**ЗБ 1857, 37**). В современном татарском литературном языке форма настоящего времени на **-макда**, как и форма на **-йор**, не сохранилась.

В изученных нами источниках форма на **-р** представлена всеми лицами, которые образуются с помощью как полных, так и усеченных аффиксов. Особенностью данной формы является выражение действия совпадающего с моментом речи: **Буны сәңә ядкяр идәрмен**. «Это дарю тебе» (**МА 1886, 28**). В настоящее время форма изъявительного наклонения на **-р**

употребляется во многих тюркских языках, но значение настоящего времени она сохранила только в турецком языке.

Формы будущего времени. Значение будущего времени выражается формами на *-р* и *-(й)ачак*.

В рассмотренных нами литературных произведениях и путевых заметках форма будущего времени на *-(й)ачак* не очень активна. Данная форма обозначает действие, следующего за моментом речи и сопровождаемого значением категоричности: *Доһа бер айдан сонра нияк мәжлесе улачак*. «Через месяц будет свадьба» (ЗБ 1887, 9).

В настоящее время форма на *-(й)ачак* употребляется как в турецком, так и в татарском литературном языке. Сохранилась она и в диалектах татарского языка.

Формы прошедшего времени. Прошедшее время индикатива представлена целым рядом форм, которые в структурном плане распадаются на синтетические и аналитические. К первому типу относятся формы на *-ды*, *-ган*, *-мыш*, а к второму – формы на *-ган иде*, *-мыш иде*, *-а(-дыр)иде*, *-нор иде*, *-макда(-дыр)иде*, *-р иде*, *-(й)ачак иде*.

Прошедшее время на *-мыш* употребляется во всех изученных нами источниках и она является одним из самых активных показателей изъявительного наклонения. Данная форма, в основе которого лежит причастие на *-мыш*, образуется как от глаголов чисто турецкого происхождения (*чамурламыш* «испачкал», *истәмеш* «хотел»), так и от глаголов чисто татарского происхождения (*кайтмыш* «вернулся», *тапмыш* «нашёл»). Она в основном употребляется в третьем лице обоих чисел. Парадигматическое значение данной формы складывается из временной семы предшествования моменту речи, семы результативности (контактности с моментом речи) и модальной семы неочевидности: *Мәктүбне ачыб укыб карасам, бу тариказлымыш*. «Когда открыл и прочитал письмо, оно было написано таким образом» (ЗБ 1887, 22). *Швейцарның сүзенә* бинави, *Салихов мәрхүмә илә бәрәбәр сөкөз сәгатьдә кич* нумерга кәлеб, *унике сәгатьдә кидмеш*. «По словам швейцара, Салихов приехал с убитой в номера в восемь вечера, а уехал в двенадцать ночи» (ЗБ 1887, 30).

Форма на *-йор иде* обычно употребляется в описательных действиях, посвящённых воспоминаниям говорящего о тех или иных событиях. Основным содержанием этой формы является значение незавершённости, незаконченности, длительности совершенного в прошлом действия: *Маһруйның йокламадыгы кәчәсендә зәүжә Жиһангир да рахәтсез улуб, йокы күрмәенчә, Казандан өч-дүрт сәгатьлек мөсәфәдә улуб, прагунный атларла Казанга кәлийорды*. «В ту ночь, когда Махруй не спала, её муж Джихангир, тоже обеспокоенный и

не **спавший**, приближался на **празунных** конях к Казани и находился в трёх-четырёх часах езды от Казани» (ЗБ 1890, 40).

Кроме романов З. Бигиева, форма на **-макда иде** встречается во всех изученных нами источниках. При этом для неё характерно употребление только в третьем лице обоих чисел. Прошедшее время на **-макда иде** в основном обозначает длительное **действие**, перенесённое в плоскость прошедшего времени: **Белешемез Хәнифә туташ тегеш тегеб, китап укыб имрар вакыт итмәкдә иде**. «Наша знакомая Хәнифә проводила время за вышиванием и чтением книг» (МА 1886, 19).

Основным содержанием прошедшего времени на **-р иде** является идея незаконченности **действия**, т. е. она обозначает обычные, систематически повторявшиеся в прошлом действия, в большинстве случаев превратившиеся в свойства лица или предмета и передающиеся в виде воспоминаний: **Бане һәрвакыт сәүәр иде**. «Она всегда любила меня» (МА 1886, 57).

Форма на **-(й)ачак иде** в основном встречается в романах Р. Фахрутдина и в путевой заметке Ф. Карими «Путешествие в Европу». Она употребляется лишь в первом лице обоих чисел, а также в третьем лице единственного числа. Данная форма выражает значение будущего категорического **действия**, перенесённого в план прошлого: **Көн уртасы уникедә кидәчәк идек**. «Уедем в половине дня в двенадцать» (РФ 1899, 40).

Форма на **-мыш иде** употребляется в первом и в третьем лице обоих чисел и обозначает в основном давнопрошедшее действие: **У вакыт хәзәрләрең галибанә хәрәкәтләре, әтрафда улан дәүләтләре бер кадәр курку өрмеш иде**. «В то время действия хазар наводили страх на соседние страны» (ЗБ 1908, 39).

Формы повелительного наклонения. В татарском, турецком и других тюркских языках основными в системе форм повелительного наклонения являются формы 2-го лица единственного и множественного числа, так как именно они самым непосредственным образом выражают значение побуждения. В изученных нами источниках форма 2-го лица единственного числа, как и во всех тюркских языках имеет **нулевой** показатель, а 2-ое лицо множественного числа оформляется при помощи аффиксов **-ың/-ең, -ыңыз/-еңез** и **-ыгыз/-егез**.

Форма повелительного наклонения на **-ың** употребляется очень редко. Она выражает значение призыва и просьбы: **Бакың, бакың, яман эшне узе да инкяр итмийор**. «Смотрите, смотрите, он и сам не отрицает содеянное» (МА 1886, 16). **Хәнифә ханым, ярын таң илә багчада (...) таш астында бер гәҗәүиб шәй табарсыз. Алла очен бакың, ризә идерем!**

«*Ханифэ ханум, завтра в саду под камнем найдёте одну удивительную вещь. Ради бога, посмотрите, прошу Вас!*» (МА 1886, 21).

Форма на **-ыңыз** выражает значение **повеления, просьбы**, предупреждения, совета и рекомендации: *Ничек булса күмәргә кирәк. Эйда, казыңыз. «Как-нибудь надо закопать. Давайте, копайте»* (ЗБ 1890, 57). Бу *сүзләрдән соңра* следовательно бер *микъдар сөкүт идеб, Маһруйа хитабән: -Зинһар, мәгълүм кылыңыз безә: ничөн Галиевне кәәтел кылдыңыз?* «После этих слов, немножко помолчав, следовательно, обращаясь к Маһрую, спросил: -Пожалуйста, объясните нам, зачем вы убили Галиева?» (ЗБ 1890, 25).

Формы желательного **наклонения**. В татарском, турецком и в других тюркских языках основными в системе форм желательного наклонения являются формы 1-го лица единственного и множественного числа. Если в современном татарском литературном языке данные формы образуются при помощи аффиксов **-ыйм/-им** и **-ыйк/-ик**, то в турецком языке они оформляются при помощи аффиксов **-(й)айым/-(й)ойими** **-(й)алым/-(й)элим**. В изученных нами источниках для образования форм опатива употребляются и те и другие аффиксы.

Форма желательного наклонения на **-(й)айым/-(й)алым** употребляется во всех изученных нами **источниках**, кроме романа Р. Фахрутдина «Салима, или невинность». В единственном числе форма на **-(й)айым/-(й)алым** выражает значения желания и намерения говорящего совершить действие в ближайшем будущем: *Сезләрә дә, хөрмәтле укучыларым, Мусаның ниндәвен адом идекене белдерөем. «Вам же, дорогие мои читатели, расскажу-ка что за человек этот Муса»* (ЗБ 1887, 8). *Бераз сабыркылыңыз, ат йигәргә куштырайым, ат илә кайтырсыз. «Подождите немножко, я прикажу запрячь лошадей, поедете на карете»* (ЗБ 1887, 13). Основным в семантике формы на **-(й)айым/-(й)алым** во множественном числе является выражение призыва совершить совместное действие: *Шимди эшкә шоругъ кылалым. «Теперь приступим к работе»* (ЗБ 1887, 60). В настоящее время форма желательного наклонения на **-(й)айым/-(й)алым** встречается только в турецком языке. В современном татарском литературном языке данная форма не сохранилась, хотя в некоторых говорах татарского языка она употребляется в **1-ом лице** единственного числа.

Формы **должествовательного наклонения**. В **огузизованном** варианте татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков **должествовательное** наклонение **реализуется**, как и в **огузских** языках, в форме на **-малы**. Употребление данной формы характерно только для путевых заметок Ф. Карими. Она встречается лишь в третьем лице и выражает значение необходимости, обязательности совершения **действия**, которое обусловлено как объективными, так и субъективными факторами: *Иштә, гыйльме хикмәт вә гыйльме*

һәндәсәнең сәмәрәләре буйлау малмыдыр. «Вот, плоды физики и инженерной науки должны быть такими» (ФК 1902, 7).

Формы условного **наклонения**. В изученных нами источниках грамматическое значение условия совершения другого действия выражается общетюркской формой **-са/-сә**. Кроме неё, данное **значение** может выражаться также сочетанием формы будущего времени на **-(й)ачак** с частицей **исә**. Но форма условного наклонения на **-(й)ачак исә** употребляется очень редко: *Зирә имамларымызың кабахәтләрене, милләтмезең косурларыны сөйлийәжәк исә, җәваддан гаҗҗезлегими, утаныб калачыгымы белер идем. «Потому что, если будет рассказывать о подлостях наших имамов и о недостатках нашей нации, я бы сгорел от стыда» (ЗБ 1908, 30-31).*

Формы сослагательного **наклонения**. Употребляемые в изученных нами источниках формы сослагательного наклонения по своей структуре являются аналитическими **образованиями**, состоящими из причастных форм и вспомогательного глагола **иде**: **-р иде**, **-(й)ачак иде**. Форма на **-(й)ачак иде** в сравнении с формой на **-р иде** встречается очень редко. Она выражает значение **предположительности**, осложнённое модальным оттенком долженствования, относящегося к плану прошедшего времени. Говорящий выражает уверенность в том, что предполагаемое действие могло иметь **место** в прошлом, однако из-за отсутствия **соответствующих** условий так и не произошло: *Кашки аңладыгым кадәр фарсычаны сүзләргә вә җәваб бирергә белем иде, үземнең урынымы дөгел, бөтен пароходы бвнем улса иде, һич шөбхәсез фида идәчәк идем. «Если бы я мог разговаривать и отвечать на персидском также, как и понимал, если бы весь пароход был моим, я не только уступил бы своё место, а подарил бы весь пароход» (РФ 1899, 17).*

В третьей главе **«Неличные формы глагола»** исследуются **функционально-семантические** особенности форм причастия, деепричастия, инфинитива и имена действия.

Формы **причастия**. В изученных нами источниках причастие реализуется в формах на **-(й)ан**, **-(й)ачак**, **-дык** и **-мыш**, а также в формах на **-р** и **-ган**. Формы причастия на **-(й)ан**, **-(й)ачак**, **-дык** и **-мыш**, которые являются отличительной чертой огузских языков, обладают богатым семантическим потенциалом и отличаются своей полифункциональностью. Действия, выражаемые этими формами относятся к различным временным плоскостям. Следует отметить, что причастия на **-(й)ан**, **-(й)ачак**, **-дык** и **-мыш** образуются как от глаголов чисто татарского происхождения *(хезмәтче йоклайан йир «место, в котором спит слуга», ишедмәйән адәмләр «люди, которые не слышат», җөтөчәк сүзләрем «слова, которые скажу я», ерткаланмыш кәгаз «порванная бумага», табылмыш акчалар «найденные деньги»,*

Төркман хатынларының эшлэдеклөре паласлар «паласы, которые делают туркменские женщины» и т. д.), так и от глаголов чисто турецкого происхождения (*истейән адәм* «человек, который хочет», *Габделхак утуран мәдрәсә* «медресе, в котором живёт Абдулхак», *музәнең капаначак вакыты* «время, когда закроется музей», *таштан япылмыш бина* «здание сделанное из камня», *бөнәм булындыгымйр* «место, где нахожусь я» и т. д.)

Причастная форма на **-(й)ан** употребляется во всех изученных нами произведениях, кроме романа Р. Фахрутдина «Салима, или невинность». Одна из особенностей данной формы заключается в том, что она образуется в основном от сложных глаголов, вторым компонентом которых являются **вспомогательные** глаголы *идан* и *улан*: *мәхәфәзә идән жәридә* «журнал, которая рассказывает» (МА 1886, 4), *кәтәләдә мәгъйүб улан шахес* «человек, который обвиняется в убийстве» (ЗБ 1887, 36). Форма на **-(й)ан** обозначает процессуальный признак предмета, лица или явления в плане настоящего и прошедшего времени: *Мәзкуркагазъ - Россия исламларының сәләмәтене вв хәсне мәгъйишәтене мохафәзә идән «Төркеман» жәридәсе* иде. «Данная бумага была газета «Тарджиман», которая освещает жизнь мусульман России» (МА 1886, 4). Судебный следователь, *мәгълүмәңездер, мәкътүлә Зәлиханых* нумервсене тафтиш *идан следователь* иде. «Судебный следователь — ваш знакомый, тот, который обследовал номер убитой Зулейхи» (ЗБ 1887, 52). Преобладание того или иного временного плана в семантике причастия на **-(й)ан** не наблюдается. Она может обозначать и постоянный, не приуроченный к конкретному промежутку времени признак лица, или предмета: *«Түтүнчәлмәйән вагонга», димәк булды. «Решил сказать: «В вагон для некурящих»*» (ФК 1902, 61-62) В изученных нами источниках форма на **-(й)ан** употребляется в собственно-причастном, субстантивированном и глагольно-именном значениях, а также в сочетании с некоторыми послелогоми. В атрибутивной функции она выступает в роли определения к словам, обозначающим субъект, объект, время и место действия. При замещении субъекта или объекта причастие на **-(й)ан** субстантивируется, принимая аффиксы принадлежности, числа и падежа. Субстантивированное причастие на **-(й)ан** чаще всего встречается в формах основного и притяжательного падежей без аффиксов принадлежности и выражает грамматическое значение имени действующего лица: *Гыйшыкыгы татыйанлар үзләре белерләр*. «Те, которые любили знают сами» (МА 1886, 40). *УртаАсиядә, Мавәразнһердә сәяхәт идәнләрең иң мәшһүре венгр голямасындан сөйх мәшһүр йәһүд Аксак Вамбери жәнәбләрөдер*. «Самым знаменитым из тех, кто путешествовал в Средней Азии был венгерский ученый - знаменитый путешественник еврей Вамбери, по прозвищу

Хромой» (ЗБ 1908, 11) Данная форма употребляется и в других падежах, выражая при этом объектные и временные отношения

Форма на **-(й)ачак** употребляется в собственно-причастном, субстантивированном и глагольно-именном значениях. В атрибутивной функции она выражает признак, свойство предмета или лица по действию, осуществление которого не подвергается сомнению. *Хикайәмәздән укуб аңлашылачак эш бернәчә сәнә мвәкәддәм бәлдән Казанда вакыйгә улмыш эшдер* «Дело, которое вы **узнаете**, прочитав наш рассказ, произошло **несколько лет** назад в городе Казани» (ЗБ 1887, 4) В атрибутивной функции форма на **-(й)ачак** выступает в роли определения к словам, обозначающим **субъект**, объект, место и время действия. При замещении определяемого слова данная форма субстантивируется, принимая аффиксы принадлежности, падежа и числа. При этом она употребляется в основном, направлении, винительном и исходном падежах. В сочетании со вспомогательным глаголом **улмак** форма на **-(й)ачак** образует перифрастические формы глагола, которые выражают значения намерения, решимости лица совершить какое-либо действие. *Бән ибтида вмир Тимер хәзрәтләргәңә твәрбәлзәрәне зийарат итәчәк улдым.* «Сначала я решил **посетить** могилу эмира Тимура» (ЗБ 1908, 89)

Отличительной чертой формы на **-дык** от других причастных форм является то, что она в атрибутивной функции употребляется только с аффиксами принадлежности. В большинстве случаев данная форма обозначает процессуальный признак предмета, или лица в плане прошедшего времени. *Китдекләре вакытда кыз бәндән нә йирле идекәмне, исмемне-фамилиямне сораб языб алды* «Когда они уезжали, девушка записала себе мой адрес, мое имя и **фамилию**» (ЗБ 1887, 22)

В зависимости от контекста форма на **-дык** характеризует предмет или лицо по действию, совершение которого совпадает с моментом речи. В очень редких случаях форма на **-дык** может выражать **значение** будущего времени. В изученных нами источниках данная форма употребляется в собственно-причастном, субстантивированном и глагольно-именном значениях, а также в сочетании с некоторыми послелогом. В атрибутивной функции она выступает в роли определения к словам, обозначающим объект, место и время действия. При замещении определяемого слова причастие на **-дык** субстантивируется и **соотносится** с категориями принадлежности и падежа. В притяжательном падеже форма на **-дык** употребляется в составе **изафетной** конструкции. *Ләкин Сәлимә туташ ослә күрәнмәз вә бу күрәнмәдекенәң сәбәбене һәм белмәз идем* «Но Салимы больше не видно и **причину** этого исчезновения я не знал» (РФ 1899, 75) В направлении падеже форма на **-дык**

употребляется в значении имени действия и обозначает **косвенный** объект действия, выраженного личной формой глагола: *Инглиз кеби кәсепкяр улмадыкымыза сәбеп кәзалик үзәмезмез.* «В том что мы не такие **предприимчивые** как англичане, виноваты **только** мы сами» (МА 1886, 22). В винительном падеже форма на **-дык** употребляется в значении имени действия и обозначает прямой объект действия **выраженного** личной формой глагола: *Ике гашыйк таң яралдыгыны беями калдылар.* «Двое влюблённых не заметили, как наступило утро» (МА 1886, 41). В **исходном** падеже форма на **-дык** обозначает объектные, **временные** и причинные отношения: *Жиһангирнең Казандан китдекендән бу кона кадәр свекз ай квчде.* «Прошло восемь месяцев после того, как **Джихангир** уехал из Казани» (ЗБ 1890, 16). *Господин Андреевнең оялдугындан йөзәнә хөмрәт хасыыйль улды.* «У господина Андреева от стыда **покраснело** лицо» (ЗБ 1887, 43). *Хәер, мәнәм хамило улдыгымдан вә бала тугадыроугымдан мәзкур* акушерка-картыкыга магада **кемсә хәбәрдар дәгел...** «Нет, о том что я **была** беременной и родила ребенка, кроме этой бабушки-акушерки никто не знает...» (ЗБ 1890, 26). В **местно-временном** падеже форма на **-дык** может употребляться как с аффиксами принадлежности, так и без них. При **этом** она передает **действие**, совершающееся одновременно с действием, выраженным личной формой глагола: *Бу ниндәләен катыыйль икән, узе кәтдекдә ишекне йозак ила бикләмичә кәтмеш.* «Что это за **убийца**, который уходя не запер дверь на замок» (ЗБ 1887, 6). *Кызны һәр күркекемдә кыз бәңә төбәссем кылыб карыйдыр иде.* «Во время каждой встречи, девушка смотрела на меня с любовью» (ЗБ 1890, 22). В изученных нами источниках форма на **-дык** употребляется в сочетании с такими послелогоми, как *кеби* «подобно, как», *ичүн* «за», *из-за»,* *ила* «с», *күрә* «из-за» и *сонра* (*сон*) «после».

Форма на **-мыш** обозначает признак **предмета, лица**, или явления по действию в плане прошедшего **времени**: *Тажиремез(...) күстәрәлмеш* урынга уятырды. «Наш купец **сел на указанное место**» (ЗБ 1887, 57). Она в основном употребляется в значении **адъектива** и служит определением к словам, **выражающим** значения субъекта, объекта и места действия. Данная форма причастия субстантивируется очень редко.

Формы **деепричастия**. В изученных нами источниках наряду с деепричастными формами на **-ып, -а, -гач, -ганчы** употребляются также формы на **-(й)арак, -(й)ынча, -дыкча, -мадам** и **-кон** (*икән*), которые являются отличительной чертой турецкого и других **огузских** языков.

В большинстве случаев форма деепричастия на **-(й)арак** употребляется в путевых заметках **Ф. Карими**. Данная форма деепричастия указывает на образ совершения основного

действия: *Төркия солтанларының бере у Коръәне Хужа Эхрар жәнабләренә һәдия кыларак кундермеш иде.* «Господину Ходже Ахрару этот *Коран* прислал один из турецких султанов в качестве подарка» (ЗБ 1908, 93).

Деепричастие яа **-(й)ынча** обозначает действие, за которым непосредственно, но без связи с ним, следует другое действие. В основном она употребляется в отрицательном аспекте и выражает **действие**, неисполнение которого обусловлено действием, выраженным личной формой глагола: *Кәгазь мөселманча - төркиячә ызылмаенча, рус лисанилә ызылмыш иде.* «Бумага была написана на русском, а не на татарском языке» (ЗБ 1887, 61). Форма на **-(й)ынча** может употребляться и в сочетании с послелогом *кадәр* или его синонимом *дәк* «до». При этом она принимает аффикс направительного падежа и указывает на временной предел совершения действия: *Бос шәпәрә йитешәпжәлә кадәр ышъләр мөсахәбәт ила юлы кыскарттылар.* «Пока доехали до города, молодые люди беседой укоротили дорогу» (МА 1886, 8). *Мөсахәбәт исә менла ясту намазыны укыяпжәлә дәк девам итде.* «Беседа же продолжилась до тех пор, пока менла не стоя читать ясту» (МА 1886, II).

Деепричастие на **-дыкча** обозначает длительное действие, происходящее одновременно с действием, выраженным личной формой глагола и часто обуславливающее его: *Тәхсиләң артдыкча кечелекәң, белекәң артдыкча сабырың артсын.* «По мере того, как накопишь опыт и знания, будь добродушнее и терпимее» (РФ 1899, 5). Кроме этого, она выражает регулярно повторяемые и многократные действия и указывает на причину совершения действия. Данная форма деепричастия может присоединять к себе аффиксы принадлежности. Осложнённая показателями принадлежности форма на **-дыкча** встречается в основном в составе вводных предложений: *Юкаруда дидекемчә, жәмлә ичүн фикер итмәк, жәмлә ичүн хезмәт итмәк бер фазыйләтдер ки мисалә улмаз.* «Как я уже говорил выше, думать за всех и служить для всех - это необыкновенное качество» (РФ 1899, 12).

Форма деепричастия на **-мадан** указывает на образ совершения действия, выраженного личной формой глагола: *Бәгъзыларының исемләренә бурая язмадан кичәмәяжәгем.* «Я не смогу пройти, не записав сюда имена некоторых из них» (ФК 1902, 45). В изученных нами источниках данная форма деепричастия встречается очень редко.

Деепричастие на **-кән (икән)**, обозначает действие, в течение которого совершается другое действие, выраженное личной формой глагола, а также указывает на способ и образ совершения данного действия: *Юлында раст кәлмеш бер тагы менла менәр икән, артадан ике ат кушылмыш бер гарбәв йитешиде.* «Когда менла поднимался на встречную гору, их сзади догнал тарантас с двумя лошадьми» (МА 1886, 7). Бу *тарики* господин Шубин *бакышы*

илә мәзкүр өстәлне тәфтиш идәркән, встал өстендә алтын-көмешлә мәзәйән бер револьвер курде. **«Таким образом, господин Шубин, рассматривая стол, увидел на нём украшенный золотом и серебром револьвер»** (ЗБ 1887, 58).

Имена действия. **Огузизованный** вариант татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков характеризуется также употреблением имён действий на **-мак**, **-ма** и **-маклык**, которые являются отличительной чертой **огузских** языков:

Употребление имени действия на **-мак** характерно для всех изученных нами источников. При этом она формирует полную парадигму склонения с категорией падежа: Бала **укытмак бик саваб эш ич**. «Ведь учить детей очень полезное занятие» (ЗБ 1890, 29). **Эстәмәкнең эстәмәке** вар. «Желания бывают разные» (МА 1886, 32). Бу кеби **шәйләр** (...) бер **төрлехләр пайда улмакына** свәп **уладыр**. «Такие вещи становятся причиной появления некоего рода призрака» (РФ 1899, 9).

Форма на **-ма** употребляется во всех падежах кроме **местно-временного**: **Суз-сүздән соңра байның ачыйгланмасы мәшһәдә улунур иде**. «После разговора было видно, что бай рассердился» (МА 1886, 54). **Шимди аны да унутдык вә дөнъяда киченмәнен чарасын да белмийорыз**. «Теперь забыли и её, в то же время не знаем и способов существования в этом мире» (ФК 1902, 153). **Һәм, вакыйган, мөфәттин Ибраһимның өйтдеге кеби, балайы «тамам» кылмадан мордар карчыкка агырмәшәкәт килмәде**. «И на самом деле, как сказал интриган Ибрагим, старухе ничего не стоило прикончить ребёнка» (ЗБ 1890, 33).

Форма на **-маклык** употребляется только в основном и винительном падежах: **Безгә зарур булган эш будыр: Муса Салиховны хәбес кылмаклык**. «Нам необходимо сделать следующее: посадить Мусу Салихова» (ЗБ 1887, 30). **Тәфтишчеләр бу намәгълүм Мусаны эзләб тапмаклыкны мабәенләрендә мәшһүр во мәгътәбәр Шубин намендә улан сыщик-жасуска тапшырдылар**. «Поиск этого неизвестного Мусы следователи поручили известному и уважаемому в своих кругах сыщику Шубину» (ЗБ 1887, 8).

Формы **инфинитива**. Значение **инфинитива**, кроме формы на **-ырга**, реализуется также в огузских формах на **-мага(-майа)** и **-мак**.

Форма инфинитива на **-мага (-майа)** употребляется во всех изученных нами источниках, кроме романа «Салима, или невинность» Р. Фахрутдина. В большинстве случаев она, **подчиняясь** какому-либо слову предложения, передает значение цели совершения другого действия, выраженного личной формой глагола: **Кичәнәң яртылары булгач Мохтар мосафирханәй кичәләмәгә китде**. «Когда наступила полночь, Мухтар пошёл переночевать в гостиницу» (МА 1886, 33).

Инфинитив на *-мак* в основном употребляется в путевых заметках Ф. Карими. Значение цели она выражает в сочетании с послелогом *ичүн* «для, чтобы»: *Жомганамазыны укудыкдан соңра, Хисаметдин менла (...) бөгъзе кәрәк шәйләр алмак ичүн шәһәрә юлланды. «После пятничного намаза, Хисамеддин менла, чтобы купить кое-какие вещи, поехал в город» (МА 1886, 7).*

В **заключении** содержатся общие итоги и выводы исследования.

В конце XIX - начале XX веков татарский литературный язык действовал в нескольких письменных вариантах, одним из которых является **огузированный** вариант, который **характеризуется** активным употреблением **огузско-турецких** элементов. Данные элементы прежде всего встречаются в оформлении грамматических категорий именных частей речи. Кроме этого, в **огузированном** варианте татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков, в отличие от современного татарского литературного языка, функционируют личные и неличные формы глагола огузско-турецкого происхождения. При их употреблении наблюдаются следующие особенности:

- 1) в изученных нами источниках **огузско-турецкие** элементы распространены неравномерно;
- 2) личные и неличные формы глагола огузско-турецкого типа образуются как от глаголов чисто турецкого происхождения, так и от глаголов чисто татарского происхождения;
- 3) данные формы не полностью соотносятся с грамматическими категориями глагола;
- 4) формы глагола огузско-турецкого типа употребляются наряду с кипчакскими формами и они являются конкурирующими формами.

Не смотря на свою активность, **огузско-турецкие** элементы все же не смогли стать полноправным звеном в языковой системе, что привело в дальнейшем их исчезновению из употребления.

Огузированный вариант татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков, который опирался прежде всего на **османо-турецкий** язык, а не на говоры татарского языка, по своей сути был **искусственным**. По этой причине он не смог заработать в полную силу и утвердился в употреблении. Но несмотря на это, данный вариант сыграл важную роль в истории татарского народа и **литературного** языка, а именно:

1) возникнув в условиях **реформирования** старотатарского литературного языка и его сближения с разговорной речью татарского **народа**, он явился своего рода связующим звеном между ними;

2) в период перехода от средневековья к **новому** времени, произведения, написанные на **огузированном** варианте, помогали распространению просветительских идей, тем самым он служил обогащению духовной и культурной жизни татарского народа;

3) в эпоху общественно-экономических преобразований **огузированный** вариант татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков помогал духовной и культурной консолидации татарского народа с турецким и другими тюркскими народами.

В **приложении** приводится информация о количественном соотношении личных и неличных форм глагола **огузско-турецкого** типа в рассмотренных нами литературных произведениях и путевых заметках.

Основные **положения диссертации** изложены в следующих публикациях:

1. XIX гасыр **ахыры** - XX йез **башы** татар эдвби **телендә -дык** формасынын кулланлышы // Татар **теле, әдәбияты**, тарихы - **үткәне һәм бүгенгесе**. - Казан, 2000. - Б. 148-152.

2. XIX гасыр **ахыры** - XX йез **башы** татар эдвби **телендә -ан** сыйфат **фигыль** формасынын **кулланлышына** карата // Фанни **язмалар**. - Казан, 2002. - Б. 44-48.

3. Употребление форм **изъявительного** наклонения в **огузско-турецком** варианте татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков // Казан **дәүләт** университеты татар филологиясе **һәм** тарихы факультеты **укытучыларының фәнни язмалары**. - Казан, 2002. - Б. 310-313.

4. К употреблению форм дееспричастия в огузско-турецком варианте татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков / Казанский государственный университет. - Казань, 2003. - 11с. - **Библиогр.:** с. 11. - Деп. в ИНИОН РАН 19.03.03; № 57850.

5. **Огузско-турецкий** вариант татарского литературного языка конца XIX - начала XX веков / Казанский государственный университет. - Казань, 2003. - 19с. - **Библиогр.:** с. 19. - Деп. в ИНИОН РАН 19.03.03; № 57851.

